

праведен на всех местах и среди всех людей. Кто же идет стезей лжи, тот на всех местах и среди всех людей лжив. Кто праведен, тот подлинно имеет Бога с собою. Кто же подлинно имеет Бога, тот имеет Его во всех местах, на улице и среди прочих людей с тем же успехом, как в церкви или пустыни или в келье. Ведь если кто Им и только Им обладает, то такому человеку не может ничто помешать.

Почему?

Потому, что он обладает только Богом и помышляет только о Боге, и все вещи для него становятся сплошным Богом. Такой человек носит Бога во всех своих деяниях и на всех местах, и все поступки этого человека совершает исключительно Бог. Ведь кто поступок предопределяет, тому и принадлежит поступок, — подлинней и действительней, чем тому, кто поступок совершает. Итак, если мы имеем перед глазами одного и только одного Бога, то, поистине, Он должен совершать наши поступки; во всех же Его поступках никто не в силах Ему помешать, никакая толпа и никакое место. Также и человеку такому не в состоянии никто помешать, ведь он, кроме Бога, ни к чему не стремится и ничего не взыскует, и ничто ему не по вкусу, потому что Он становится един с человеком во всяком его устремлении. И как Бога не может рассеять никакая множественность, так и подобного человека ничто не может ни рассеять, ни разнообразить, ведь он един в том едином, в котором всякая множественность есть единое и не множественное.

Человеку надлежит схватывать Бога во всем и подобает приучать свой дух к тому, чтобы всегда лицезреть Бога в духе, в стремлении и в любви. Посмотри, как ты помышляешь о Боге, когда находишься в церкви или в келье: это самое сосредоточение сохраняй и неси во множественность, непокой и нетождество. Но, как я часто говаривал, когда рассуждают о тождестве, не имеют в виду, что все мол дела надо мыслить как равные, или все места или же всех людей. Это было бы вовсе неверно, ведь молитва — лучшее дело, чем прядение, а церковь — более достойное место, нежели улица. И все же ты должен во всех делах иметь неизменный дух и неизменное доверие и неизменную любовь к своему Богу и неизменную трезвенность. Поверь, будь ты столь неизменен, никто не помешал бы тебе быть с твоим Богом.

Но в ком Бог не укоренен так глубоко, кто должен постоянно воспринимать Бога извне, в том и в другом, и кто ищет Бога разными способами, будь то в трудах или среди людей или по местам, тот не имеет Бога. И может легко что-то случиться, что такому человеку станет помехой, ибо он не имеет Бога, и он ищет не только Его, и любит и взыскует не только Его. А потому не только злое общество ему помешает, ему помешает и доброе, не только улица, но и церковь, не только злые слова и поступки, но также добрые слова и поступки; ибо препятствие находится в нем, потому что в нем Бог не стал еще всем. А ведь если бы с ним такое случилось, то на всех местах и со всеми людьми ему бы стало вольготно, ибо он Бога имеет, и никто Его у него не может отнять, и никто не может воспрепятствовать ему в его деле.

Но в чем же заключается сие истинное обладание Богом, когда Им истинно обладают?

Сие истинное обладание Богом заключается в духе, а равно в сокровенном, разумном обращении и стремлении к Богу, [но] не в постоянном, равномерном размышлении о Нем, поскольку такое наличие в мыслях было бы для природы невозможным и весьма тяжким и к тому же не наилучшим. Человеку не следует ни обладать, ни позволять себе удовлетворяться мыслимым Богом, ведь когда мысль иссякнет, тогда исчезнет и Бог. Обладать надлежит